

Придворный маскарад. День первый

— Прекрасная маска позволит пригласить себя на танец? — услышала Прасковья приятный мужской баритон.

Она повернула голову и увидела перед собою склонившегося кавалера, тоже в маске, в напудренном парике и в камзоле по фряжской моде. Прасковья некоторое время молчала в нерешительности. Кавалер ожидал, склонившись в поклоне. Наконец он выпрямился и подал ей руку. В этом движении было столько спокойной уверенности и силы, что она встала, положила свою ладонь на ладонь кавалера, и они двинулись к танцующим.

Танцы были в самом разгаре. Уже оттанцевали церемонный польский и менуэт и настала очередь англезов, экосезов, контрдансов и многих других быстрых и подвижных танцев с прыжками, хлопками, касаниями рук и даже с поцелуями. Прасковья с кавалером встали в ряд танцующих. Танцевали английскую цепную кадрили, танец, недавно появившийся в Питербурхе. Пары масок двигались навстречу друг другу, менялись партнерами, возвращались к партнерам. Взмах руками, легкие поклоны то вправо, то влево, скользящие шаги, а потом вдруг прыжки и, наконец, низкий поклон. Пары выстраивались в причудливую цветную цепь из всевозможных костюмов до 70 разновидностей, как было определено маскарадной росписью, сочиненной и подписанной самим императором, великим сценаристом и режиссером жизни России первой четверти XVIII века.

Танец несколько развеял невеселые мысли Прасковьи. Она начала улыбаться другим маскам, с интересом рассматривать окружающих, старалась угадать, кто же под маской. В цепи танцующих она увидела и мелькнувшее платье арлекина, такое же, как у нее. Это танцевал кто-то из ее маскарадной процессии под номером 56, как было определено высочайшей росписью.

«Им весело, — подумала она, — буду и я веселиться».

Прасковья вообще по природе была девушкой задумчивой, склонной к тихой грусти. А сегодня причиной ее особенной грусти стало сообщение Анны Головкиной о том, что она выходит замуж за Павла Ивановича Ягужинского. Анна была в восторге. Она давно уже была в него влюблена, как, впрочем, многие питербурхские дамы и девицы. Завидный жених, богат, красив, фаворит императора и вообще очень-очень обаятелен. Везде — душа компании и неутомимый танцор.

«Может, это Анна с ним»? — подумала Прасковья, повернув голову в ту сторону, где промелькнуло платье арлекина.

— Прекрасная маска не устала? — услышала она опять приятный мужской баритон.

— Нет... — рассеянно произнесла она, потому что не любила говорить неучтивости людям, — а, впрочем, да. Я что-то устала.

Кавалер подал руку и вывел даму из цепи танцующих.

— Благодарю, — Прасковья присела в реверансе, — я останусь здесь, посмотрю на аллеи. Они так красиво расцвечены.

— Скоро будет фейерверк, — произнес кавалер.

Они замолчали. Внезапно раздалась барабанная дробь.

— Император, — в голосе кавалера слышалась тревога и обеспокоенность, — дама извинит меня, дела службы, — и, поклонившись, быстро двинулся по аллее к императорскому саду.

Прасковья смотрела вслед удаляющейся фигуре.

«Надо будет узнать, кому по росписи приказано быть во фряжском, — подумала она, — а, впрочем, — тут же пожала она плечами, — не все ли равно». Ей все равно не суждено завязывать романы. Дядюшка за этим зорко следит.

Прасковья повернулась и пошла к реке, на которой качались барки, лодки. Вся эта масса судов привезла их сюда. Она же и отвезет обратно.

«Под дядюшкин барабанный бой, — усмехнулась она, — то ли было бы, если бы был жив мой отец? Но он давно, очень давно умер. Я его и не помню».

Ей стало совсем грустно и как-то зябко, хотя этот последний день августа выдался на редкость теплым и тихим. Ничто не шевелилось. Даже на воде почти не было видно ряби, а лишь легкие блики от иллюминации в саду. Внезапно раздалось шипение. И в воздух взлетели ракеты.

«Фейерверк», — с невольным замиранием сердца подумала Прасковья.

Она любила фейерверки, тем более что дядюшка был очень изобретателен в составлении их, как, впрочем, и во всем другом.

Питербурх со свойственным ему размахом праздновал вторую годовщину заключения Ништадтского мира. Ракеты, огненные колеса, швермеры, огненные девизы, — все сверкало и взрывалось. Полтора часа зрители неотрывно следили за сменяющимися фигурами на ночном небе. Наконец, погасла последняя ракета, и тут же раздалась барабанная дробь, означающая отступление. Праздник на сегодня кончился.

Дамы, которых на этом маскараде было значительно меньше мужчин, потянулись к своим лодкам и баркам. Все собирались на берегу у пристани по группам, то есть по костюмам, предписанным им по росписи. Сопровождавшие Прасковью также появились на дорожках сада в своих ярких костюмах. Девицы, как заметила Прасковья, были сильно помяты. Парики съехали, губы под масками размазаны. Прасковья невольно улыбнулась. Миловались со своими любезными. К тому же, все были изрядно пьяны. Во время пира было выпито не по одному стакану венгерского. Дамы из ее процессии также были навеселе. Было видно, что их иногда на ходу заносило, но лица их были озабочены. Мужчины остались в императорском саду продолжать пир, и жены были сильно обеспокоены за здоровье мужей. Девицы Головкина, Стрешнева, Милославская, Дмитриева-Мамонова встали стайкой и что-то оживленно обсуждали, слышались хихиканье и ахи. Дамы Ржевская, Остерман, Блеклая, Степанова тоже стояли кружком и о чем-то тихо шептались.

Наконец маршал дамского маскарада унтер-маршал Сукин начал объявлять посадку по баркам. Дамы в масках и во французских, польских, испанских и арлекинских нарядах начали рассаживаться по судам. Ночь была так тепла и тиха, вода так неслышно плескала о берег на углу Невы и Фонтанки, что подвыпившие дамы расселись без приключений и двинулись к своим дворцам по Неве на Васильевский остров.

У дворца вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны две барки причалили к берегу, и испанские дамы в черных придворных костюмах и белых жабо и арлекины в ярких костюмах высадились на деревянную пристань перед дворцом.

Первые дворцы в Питербурхе строились в подражание венецианским, так чтобы можно было высаживаться с воды прямо на небольшую пристань, что вела к дверям. Арлекинов оказалось значительно больше, чем придворных испанцев, так как сопровождавшие герцогиню Мекленбургскую Екатерину Ивановну дамы, светлейшая княгиня Дарья Михайловна Меншикова, ее сестра Варвара Михайловна Арсеньева, госпожа Ушакова и госпожа Блюментрост поехали дальше, а у дворца вышли лишь Екатерина Ивановна и девица Юшкова. Арлекины же оказались фрейлинами двора вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны и ее дочерей и жили во дворце.

Все тихо плелись к дверям. Всех обуревала усталость и обеспокоенность. Стояла глубокая ночь. Завтра, то есть сегодня, к четырем часам пополудни, по выстрелу пушки нужно будет опять собраться на Троицкой площади и продолжить маскарад.

Войдя во дворец, герцогиня тут же забрала с собой девиц Анну Головкину и Анастасию Дмитриеву-Мамонову.

Прасковья же с девицами Евдокией Стрешневой и Анной Мирославской поднялась к себе.

Хотя прошло уже три года, как они поселились в этом дворце, построенном по приказу императора для вдовствующей царицы и ее дочерей на Васильевском острове около здания двенадцати коллегий, Прасковья до сих пор еще не совсем освоилась в нем. Этот дворец был намного больше Измайловского и намного роскошнее, но одновременно был менее уютным и более сырым и холодным. За домом, правда, был большой сад, но разве мог он сравниться с Измайловским? Впрочем, все сетования были бы бесполезны. Дядюшка неукоснительно требовал, чтобы вся царская семья жила в новой столице. На самом деле можно было только радоваться этому комфортабельному жилью, где много было и парадных комнат и комнат для слуг, потому что, когда в 1708 году они переехали в Питербурх, у них был лишь одноэтажный мазанковый дом на Троицкой площади рядом с дядюшкиным домом. А их в этом доме жило, помимо матушки, три царевны: Екатерина, Анна и она, Прасковья. Так что слуги жили в наскоро построенных хибарах, и все службы, в том числе и кухня, тоже располагались в наспех построенных хибарах. Тут же были главная городская пристань и рынок. Ей было 14 лет, и она уже хорошо запомнила ту первую осень, зиму и весну. Бурливую Неву, выходявшую из берегов и подтапливавшую мазанковый дом, так что вода регулярно заливала пол ее маленькой опочивальни. Казни на Троицкой площади, волков, забегавших в дома, подмоченные припасы. Господи! Чего только ни пережили они в эти годы! Но неумолимый дядюшка воевал и строил, строил и воевал. И вот они живут в каменном дворце. С этими мыслями Прасковья добралась до своих покоев.

— Пришлите сенных девушек. А сами идите отдыхать, — сказала она девицам Мирославской и Стрешневой и вошла в опочивальню.

Все в ней было сделано в угоду дядюшке, сиречь по-европейски. Изразцовая печь — так синего голландского изразца, а не русского зеленого с желтым, как в Измайлово. Обои тканевые фряжские, а не кожаные. Мебель — испанская.

Единственно ковер на полу — персидский, а не красное или зеленое сукно, как в Измайлово.

Войдя в опочивальню, Прасковья сразу направилась к туалетному столу. Что можно было сделать без посторонней помощи, так это снять парик, от которого очень потела голова, и вынуть шпильки из волос. Снять платье самой было невозможно, потому что все

шнурки и застёжки располагались сзади, а она так устала в туго затянутом платье. К тому же нужно было в туалет. Но сенные девушки Дарья и Ульяна появились довольно быстро во главе с ее мамкой Татьяной Семеновной, которая, не успев войти в двери, запричитала.

— Государыня-царевна, голубушка, умаялась совсем от этих машкератов. Никакого покою. Статочное ли дело — девице по ночам гулять в мужчинском обществе с голой грудью и плечами! Был бы жив твой батюшка, он бы такого не дозволил.

— Хватит причитать, — устало произнесла царевна, — расшнуйте скорей, воду, горшок принесите. Раздеться, умыться и спать. Завтра опять к четырём фрегатам и опять в маскарад. Государь никого не освобождает. Маршалы следят, чтобы все были по списку.

Сенные девушки захлопотали. Прасковья освободилась от платья, от чулок, от туфель. Потом осторожно сняли румяны, белилы, помаду, обмыли лицо, руки, грудь. Обтерли. Расчесали волосы и... уложили в постель на взбитые пуховые подушки на пуховую перину под пуховое одеяло. Император прервал царскую традицию спать под меховыми одеялами. Татьяна Семеновна села у постели и начала своим мелодичным ровным голосом что-то сказывать. Прасковья почувствовала, что затекшее тело расслабляется, и дрема охватывает его. Она заснула.

Минувшее в нынешнем

Пробудилась она от того, что кто-то ласково гладил ее по кисти руки.

— Государыня-царевна, — донесся до нее, как сквозь туман, голос Татьяны Семеновны, — вставать пора, время молитвенное правило вершить.

Мозг Прасковьи воспринял слова, но тело было совершенно разбито и не повиновалось. Ноги и руки болели. Казалось, двигать ими она не могла, а главное: болела голова. Ведь несколько бокалов вина выпить пришлось под бдительным оком императрицы и ее фрейлин.

— Семеновна, сил нет вставать. Спать хочу, — пробормотала она.

— Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит, — уже окрепшим и наставительным тоном произнесла Семеновна, — а Бог велит к заутрене идти. Государыня-царица я, чай, слышала, уже прокатила в домовую в своем кресле. Сегодня Тимофей Архипыч молитвы читать будет.

— А он разве не в Москве? — сонно спросила Прасковья.

— Вчерась прибыл прямо с богомолья, блаженный наш.

Семеновна перекрестилась. При упоминании о Тимофее Архиповиче Прасковья окончательно пробудилась.

— Семеновна, прикажи воду принести, умыться надо, юбку, кофту домашнюю, чепец. Девоч позови волосы чесать.

Пропустить проповедь Тимофея Архипыча для Прасковьи Федоровны, вдовствующей царицы, и ее дочерей было бы святотатством. Этот блаженный жил в их доме всегда, сколько помнила себя Прасковья, и был ей как дед. Она помнила, как играла его длинной, тогда уже седой бородой. Сон как рукой сняло. Она встала с постели. Девушки забегали, убирая царевну, и уже скоро она вошла в домовую церковь. К ее изумлению, все там уже собрались, даже Катерина со своей маленькой пятилетней Аннушкой.

Тимофей Архипыч действительно обладал благодатью. Седые, словно лунь, волосы и такая же длинная борода на черной рясе с серебряным крестом, подаренным царицей, смотрелись очень благообразно и приводили мысли к божественному, а не к суетному. В этом его убранстве сказывалась его художественная натура. Ведь много лет он был иконописцем, делал росписи даже в Кремле, в Чудовом монастыре, в котором впоследствии и упокоился.

Он читал молитвы за аналоем, а все остальные повторяли, крестились и кланялись. Наконец, все пошло под благословение.

— Ты что же, Прасковья, опаздываешь, а святой человек ждать должен? — услышала она ворчливый голос матери.

— Устала я, маменька, от маскарада, от суеты, — смиренно ответила дочь.

— Устала! Все мы устаем. А раз государь велит, надо делать. Государь — он ведь помазанник божий, — старуха перекрестилась, — Бог им правит и ему указывает. Нет власти, как от Бога, — заключила старуха, в которой старомосковское благочестие странным образом уживалось с поклонением и обожанием Петра.

— Так, я ведь выполняю государево приказание, — оправдывалась Прасковья, — Только ночью мы вернулись из Летнего. А сегодня опять маски надевать и к Апраксину ехать.

— Грех это — харями лицо закрывать, — промолвил Тимофей Архипыч и перекрестился, — не скomorохи вы и не паписты, а царского благородного корня. Вспомни, государыня-царица, мужа своего Ивана Алексеевича. Разве он бы такое дозволил? Девица под личиной вместе с мужчинами вино пьет! Повреждение нравов на Руси, прости господи. Не иначе антихрист грядет.

— Свят, свят, — старая царица мелко закрестилась, — не поминай лукавого. Но, как говорится, богу богово, а кесарю кесарево. Все мы

слуги божьи и государевы. Так что, сотворив молитвенное правило, идите государыни-царевны, готовьтесь к маскараду. Я благославляю.

Катерина и Прасковья подошли под благословение матери. Старухе поднесли и внучку. Старая царица вся растаяла. Во внучке она души не чаяла. Ведь это была ее единственная внучка. Анна, герцогиня Курляндская, была вдова, а Прасковья — не замужем.

Царевны в сопровождении фрейлин вышли из домово́й церкви.

Как только дверь закрылась, девушки, направляясь в столовую, начали оживленно болтать. Послышался звонкий смех Катерины Ивановны, известной хохотушки. Она что-то нашептывала на ушко Анне Головкиной. Та смущенно хихикала. Девушки Стрешнева, Милославская и Дмитриева-Мамонова скромно следовали поодаль, также что-то тихо обсуждая.

Прошли те времена, когда на завтрак подавали только кашу, пироги, квас, ягодные настои, пастилу. Чем ближе они были к столовой, тем сильнее манил и дразнил запах свежесваренного кофе, который в Петербурге давно уже стал главным из неалкогольных напитков.

— Ох, какой чудный запах! — воскликнула Катерина Ивановна, поводя своим курносым носиком.

— После такой ночи чашка кофе нам просто необходима, — поддакнула девица Дмитриева-Мамонова.

— Но булочки, булочки — это просто бедствие, — заохала Катерина Ивановна, которая сама была как сдобная булочка.

— Но, ваше высочество, — рассудительно сказала любимица герцогини Анастасия Дмитриева-Мамонова, — нельзя не подкрепиться после бессонной ночи.

Девушки расселись по стульям. Слуги начали разносить и разливать напитки.

— А что-то есть не хочется, — сказала Прасковья.

После вчерашнего застолья ее еще мутило от еды.

— А тебе-то, сестрица государыня-царевна, как раз и не мешало бы есть побольше булочек. Что-то слишком ты худощава. Ну, что у тебя за руки! Посмотри на мои пухленькие, сдобненькие пальчики. Камер-юнкер Берхгольц с удовольствием их все вчера перецеловал.

— А как ты его узнала? Все же были в масках? — с интересом спросила Прасковья.

Девушки прыснули.

— Паша! Святая простота! Он был в костюме римского легионера, в шлеме и с пером.

— А кто был по фряжском? — спросила вдруг Прасковья.

— Во фряжском? — задумалась Катерина Ивановна, — А почему тебя это интересует? — вдруг подозрительно просила она. — Кавалер во фряжском тебя увлек?

Прасковья уже не рада была, что задала вопрос. Как же она за была, что за ней всегда подслушивают и подглядывают. Как бы чего непредвиденного не случилось с царевной! Сестрица сообщит о ее вопросе не только матушке, но и дядюшке. Только этого не доставало. Но озабоченности тоже показать было нельзя.

— Ну, раз мне нужно пополнеть, — с наигранным воодушевлением сказала она, — то я с удовольствием съем булку с маслом, а в кофе положу несколько ложек сахару и налью сливок, — и царевна кивнула слуге.

Все дружно принялись за еду.

— Должна объявить, что времени не так много, — заявила герцогиня. — У Четырех фрегатов мы должны быть к четырем пополудни, а это значит, что одеваться надо начать в полдень. Не позже, — и герцогиня подняла свой пухлый пальчик. — Сейчас можно будет отдохнуть, потом надо будет лицом заняться. Припарки сделать, потом полежать, и только потом наносить белилы, румяны и помады.

Остальные молча слушали. Все признавали, что герцогиня разбирается в тонкостях дамского убора лучше всех сидящих за столом.

Утро 1 сентября выдалось тоже теплым и солнечным. Раньше, — Прасковья это помнила, ведь это были дни ее детства, — это было начало нового года. В этот день служили Новолетие. Жили они уже в Измайлово, и в Москву выбирались редко. Да и что там было делать после смерти батюшки! Царь Петр Алексеевич всегда отсутствовал. Новолетие служил один патриарх Адриан. Поэтому Новолетие запомнилось Прасковье больше как чудный праздник нового урожая. В этот день с полей Измайлова снимали арбузы, дыни, яблоки, груши, сливы, даже абрикосы и виноград и освящали в честь дня Симеона-летопроводца, икона которого всегда выносилась и ставилась на церковный алтарь. Устраивался большой стол в самой просторной беседке. Прасковья помнила молодую оживленную мать, ее управляющего Василия Алексеевича Юшкова, представленного к ней Петром героя Азовских походов, который всегда очень заботливо и с любовью относился к ним, дочерям царицы. Можно сказать, был вместо отца. Было весело, привольно.

Прасковья невольно вздохнула. Былого не вернуть.

— Помнишь, Катя, — мечтательно обратилась она к сестре, — как мы в Измайлово 1 сентября веселились, ждали, когда торжественно

привезут корзины с новолетним урожаем. Ты, Аня, я... самая маленькая.

— Новолетие? Это что? — спросила Анна Головкина.

— Ах, Паша, все бы тебе о старине вспоминать.

В голосе герцогини слышались недовольные нотки.

— Раньше новый год начинался 1 сентября, — сухо пояснила она фрейлинам.

— Как 1 сентября? А как же елка? — ахнула девица Дмитриева-Мамонова.

— Не было елки, — отрезала герцогиня. — Это был день Симеона-Летопроводца, выносилась его икона, и патриарх...

— Какой патриарх? — хором спросили девицы.

Катерина Ивановна осеклась. Разговор мог уйти в опасную сторону. Император не терпел никаких упоминаний о патриаршестве.

— Ну... глава Синода, — выкрутилась Екатерина.

— Разве он называется патриарх, а не обер-прокурор? — спросила девица Дмитриева-Мамонова.

— Анастасия, ты слишком любознательна, — приняв нарочито утомленный и рассеянный вид, отозвалась герцогиня, — спроси своего батюшку.

И, помолчав, не утерпела, обратившись к Прасковье.

— И ты, Прасковья, что за блажь! Не нужно воспоминаний. Что было, то былшем поросло. Пора это понять и принять.

И она укоризненно посмотрела на сестру.

— Сегодня 1 сентября — маскарад, а никакое не новолетие, и мы должны к нему подготовиться. Это приказание императора, — произнесла герцогиня, обращаясь ко всем, и встала из-за стола.

Все также поднялись и направились по своим комнатам.

Придворный маскарад. День второй

В 3 часа пополудни две барки, одна — с испанскими придворными, другая — с арлекинами, отплыли от дворца Прасковьи Федоровны в направлении к Петропавловской крепости и далее к Троицкой площади, когда-то центру Питербурха, к дому Четырех фрегатов. Когда барки и лодки причалили, был сделан смотр маскарадной процессии маршалом маскарада, и все расставлены в соответствии с номерами. В этот раз прождали команды погружаться и выезжать довольно долго, потому что приехавшие в Питербурх принцы

Гессен-Гомбургские преподнесли императору кожаную лодку, и Петр, всегда увлеченный новинами, ее опробовал. Наконец, прогремел пушечный выстрел. Все маски погрузились в суда и поплыли по Неве к Почтовому дому, который находился у Адмиралтейства. Там все выгрузились и, кто на ожидавших их колясках (конечно, прежде всего члены царской семьи), кто пешком, а кто на маленьких осликах двинулись по деревянному настилу: сначала к зимнему дворцу, а затем к дому Апраксина с большим садом, выходившим на Царицын луг. Екатерине Ивановне и Прасковье удалось взять в коляску только девицу Головкину. Остальные пошли пешком. Так что по приезде пришлось еще подождать некоторое время, когда подойдут фрейлины. Войдя в сад, царевны двинулись, прежде всего, к палатке императрицы, чтобы показаться на глаза и поздороваться. После этого всем была предоставлена возможность заниматься, чем угодно. Каждый ловил возможность пообщаться с нужным человеком, если, конечно, узнавал его в маске, но на то и придворный нюх.

Когда стало смеркаться, вдруг послышалась барабанная дробь. Это появился император во главе своей беспокойной команды, одетой матросами.

Прасковью, которая прогуливалась в тишине по иллюминированным аллеям, это насторожило. Активность дядюшки на ночь глядя не предвещала ничего хорошего. Она не была большой любительницей алкоголя и обязательного питья предпочла бы избежать. Тем временем в саду появились маски в плащах и с факелами, собиравшие разбредшихся гостей к площадке перед дворцом Апраксина. Прасковья отступила в тень, чтобы ее не заметили. Выпивать огромный стакан вина или, не приведи господь, перцовки, настоенной на спирту, у нее не было никакого желания. Все дядюшкины выкрутасы она уже знала заранее. Изучила за эти годы. Она стояла в тени, а гвардейцы в плащах и масках с факелами проходили по аллеям и внимательно всматривались и вслушивались. Приказы императора выполнялись ими беспрекословно. Прасковья стояла не дыша. Вдруг она услышала приятный мужской голос за спиной.

— Не бойся, прекрасная маска, я помогу тебе выйти отсюда.

Она оглянулась. Высокий мужчина в черном суконном плаще, треуголке и маске стоял у нее за спиной. Прасковья колебалась, но в этот момент два гвардейца с факелами приблизились к ним.

— Приказано всех доставить, не разбирая полу. Собрать всех гостей. Император уже там. Василий ла Косте подносит стакан. Вот смеху-то будет!

— А мы здесь с тобой ищем незнамо чего. Нет здесь никого. Пошли.

И второй решительно направился к дворцу. Свет факелов колебался в такт их шагам и по мере их удаления, становился все слабее.

Прасковья невольно шагнула к незнакомцу. Бадья с перцовкой и дядюшка возле нее были ей слишком хорошо известны, так же, как и зрелище блюющего ла Косты. Нет, только не это.

— Не бойся, прекрасная маска, я дворянин и не причиню тебе зла.

И незнакомец протянул ей руку в белой перчатке. Вид этой перчатки почему-то успокоил Прасковью. Она протянула свою руку. Он взял ее и повел через кусты какими-то тропинками до лаза. Они вылезли за забор. Там стояла лошадь. Прасковья опять заколебалась.

— Не бойся, прекрасная маска, я не могу отлучиться надолго. Я быстро доставлю тебя на пристань.

Сильными руками он взял ее за талию и посадил на круп лошади, вскочил сам в седло, и они поскакали к берегу Невы к пристани.

«Неужели у меня появился тайный воздыхатель и защитник?» — промелькнуло в голове у Прасковьи. По сути, она давно уже чувствовала себя сиротой, не защищенной ничем и никем. У пристани незнакомец ссадил ее.

— Спокойной ночи, прекрасная маска, и сладких снов. Мне нужно спешить.

И ускакал. Прасковья разыскала свою барку под номером 56 и приказала переправить себя на другой берег, сказавшись больной. Унтер-маршал Сукин ослушаться не посмел, так как знал, кто плыл под номером 56.

По дороге домой Прасковья погрузилась в раздумья. Поистине этот маскарад преподносил ей массу неожиданных и приятных сюрпризов. Неожиданных сюрпризов она за свою жизнь получила более чем достаточно! Самый невинный из них — незванные гости в 7 утра. Но вот приятных было очень-очень немного. Об этом она и размышляла, поднимаясь к себе.

Дворец был тих и пуст, хотя было не более 11 вечера. Она знала это доподлинно, потому что часы на башне почтамта пробили 10, когда она садилась в свою барку. Затем она услышала бой на колокольне Исакия Далматского.

Семеновна запричитала при виде ее.

— Что? Батюшке-царю нездоровится? Что так рано всех отпустил?

— Нет, все там, — коротко ответила Прасковья, — я что-то плохо себя почувствовала, Семеновна. Совсем с ног валюсь. Отпросилась уехать.

— И то правда. Сколько можно по машкерадам развлекаться, а когда же душу спасти? — заворчала старуха.

— Пришли Дарью с Ульяной. Пусть разденут меня, белилы смоят. Спать хочу. Завтра опять в 4 подыматься.

— А, может, и нет. Государыня-царица сегодня занедужила. С постели не встает. Тимофей Архипыч с ней.

— Как бы не было худа, — забеспокоилась Прасковья.

— Уж сколько раз у нее руки да ноги отнимались. Выкарабкивалась же. Наша государыня верой своей сильна, не то что эта немка приبلудная.

— Уймись, Семеновна, сама знаешь, опасное это дело — про царицу лялякать. Слышать не хочу. Ну, что переодели? Оставьте меня.

Семеновна с сенными девушками вышли.

Прасковья осталась одна. Она взяла со столика Брюсов календарь, самую модную тогда книгу. Открыла раздел «Прогностик» и начала искать свою планету. «Предсказания для тех, кто под какою планетою рожден с наставлением узнать оное, а также свойства человека, когда и под какой из 12 знаков небесных светил он родился и в каком роде жизни будет иметь счастье». Когда-то еще не так давно подобные сопоставления были греховными, но ныне это считалось признаком образованности. Она знала, что родилась под знаком Весов, а ее планетой была Венера.

«Весы — посредник, проводник. Среди чужих чувствует себя скованно и стесненно. Очень скрытен и раним, но дружелюбен и оптимистичен, чуток к людям. Любит пошутить и улаживать конфликты. Не может давать обещаний, если не уверен, что выполнит их. Может влиять на других в свою пользу, но навязывать свою волю не старается. Не злопамятен. Нрав имеет добрый. Не всегда настаивает на своем и отстаивает свои интересы. Часто уступает и предпочитает договориться. Не любит делать то, что ему не нравится. Помогая другим, сам добивается многого. Имеет склонность к красоте и искусствам. Любит получать удовольствия и доставлять их другим», — пробежала она глазами текст.

Затем она вернулась к началу и стала медленно читать, обдумывая каждую строчку.

«Среди чужих чувствует себя скованно и стесненно». Конечно, это о ней. Поэтому часто ее называют букой и нелюдимкой. Но это не так.

«Скрытен и раним», — и это о ней.

«Дружелюбен, чуток к людям». Она задумалась.

«Не люблю делать неприятности и обижать. Это точно. Лучше промолчу», — опять согласилась она.

«Любит пошутить» — Это не очень похоже.

«Улаживает коллизии».

«Скорее стараюсь их сторониться», — уточнила она про себя.

«Не любит давать обещаний, если не уверен, что выполнит их».

Она опять задумалась.

«Да, людей обманывать не люблю», — наконец согласилась она про себя.

«Влияет на других, но свою волю не навязывает». Прасковья опять задумалась.

«Как это понимать? Волю не навязываю, это точно. Но влияю ли?» Прасковья с сомнением покачала головой. «Что-то не похоже... или я не замечаю», — наконец пришла она к заключению.

«Не злопамятен. Нрав имеет добрый». Да, это о ней.

«Счастлив будет с подобным воздушным знаком. Воздух — это легкость, прозрачность».

«Да, господин Брюс, но дадут ли мне возможность выбрать подобный мне знак?» — невольно прошептала Прасковья, глядя в книгу.

Прасковья захлопнула книгу и посмотрела в окно. К пристани причалили барки. В темноте тускло светились фонарики. Дамы с большим трудом и с посторонней помощью сошли на пристань. Опираясь друг на друга, неверными шагами брели они к дверям дворца.

«Еще один день маскарада позади, — подумала Прасковья, — завтра маскарад у Меншикова».

Придворный маскарад. День третий

Утром Прасковья встала для молитвенного правила, но Семеновна сказала, что можно не ходить.

— Государыня-царица чувствует себя очень плохо и подняться с постели не может. Почивает. Герцогиня Катерина Ивановна тоже так умаялась на маскараде, что почивает еще. Девицы Головкина, Стрешнева, Дмитриева-Мамонова отправились по домам передохнуть и подготовиться к сегодняшнему маскараду у Меншикова. Сказывают он будет очень долгий. Так что можешь еще поспать, голубушка. Тем более погода ужасная. Ветер разгулялся. Волны гонит. Уж и не знаю, как сегодня на лодках-то будете плыть. Не потонуть бы!

— Типун тебе на язык, Семеновна. Но, может, отменят маскарад сегодня? — с надеждой в голосе спросила Прасковья.

— Это уж как государь распорядится, — с сомнением в голосе ответствовала Семеновна.

— Тогда завтрак пусть мне в комнату принесут. Пойди распорядись.

И Прасковья в домашней кофте, юбке, с расчесанными волосами, схваченными лентой, села у окна.

По Неве действительно шла сильная волна. Парусники у Адмиралтейства сильно качало. Какие-то лодки с гребцами выгребали с трудом. За эти годы она привыкла к виду воды и к виду борьбы людей с водой. Она боялась воды. Эта стихия ее пугала. А дядюшка все время приговаривает: «Кто хочет со мною в ладу жить, должен воду любить». Кстати, а дядюшка-то какой знак? Родился 30 мая. Прасковья потянулась за Брюсовым календарем. 30 мая. Знак Близнецы, планета Меркурий. Близнец — это тоже воздушный знак. Прасковья улыбнулась. А он воду любит.

«Близнецы — символ морской узел, восьмерка. Они же два одинаковых кольца. Планета Меркурий. Покровитель моряков, воинов, всадников и путешественников». Да, подходит.

В это время в комнату вбежала Семеновна.

— Государыня-царевна! Государыня-царица зовет тебя.

Государыня-царица отложила книгу. И, накинув шаль, быстро отправилась к матушке.

Прасковья Федоровна лежала в постели, руки ее безвольно покоились на одеяле. Она тяжело дышала. Тимофей Архипыч сидел у постели и читал молитвы. Царица, почувствовав дуновение воздуха, медленно открыла глаза.

— Параша, — тихо позвала она. — Как маскарад? Как государь наш Петр Алексеевич?

— Матушка! Как ты себя чувствуешь? — встревоженно воскликнула Прасковья, бросаясь к постели больной.

— Слаба я что-то, — безвольно откликнулась царица, — ты мне расскажи, как маскарад.

— Все как всегда, — пожалала плечами Прасковья, — иллюминация в саду, палатки, кушанья, напитки. Государь в барабан бил.

— Это он умеет, — с трудом улыбнувшись, произнесла царица. — Как невестушка Екатерина Алексеевна? Как принцессы?

— Екатерина Алексеевна была одета адмиральшей.

— Да, царь-батюшка всеконечно к воде привязан, — эхом прошлестели губы больной.

Возникло молчание.

— Я вот что, Параша, думаю, — собравшись наконец с силами, тихо сказала Прасковья Федоровна. — Надобно 24 сентября ассамблею устроить. Порадовать братца Петра Алексеевича. Он любит празднества. Да что-то слишком я слаба. Мокрота. Каменная подагра. Натуре моей не снести таких болезней.

— Так, может, матушка, не будем ничего устраивать, — с надеждой в голосе откликнулась Прасковья, — подождем до святков. Встанет зима.

— Не надо ждать, Параша, — в слабом голосе больной послышались недовольные нотки. — Надо устроить твой день рождения, как подабает по царскому обыкновению.

— Как скажете, матушка, — сразу же согласилась Прасковья.

— Только вот распорядиться тебе придется. Больше некому. — Больная вздохнула. — Василий Алексеевич отсутствует. Василий Федорович в Москве. Катерина-свет с малюткой занята. Да ей и так больше всех ездить приходится ко двору. Я, сама видишь, совсем слаба. Так что тебе придется распорядиться.

Старуха от столь длинной речи совсем ослабела. Прасковья же сильно озаботилась. Она никогда и ничего не устраивала сама. Царица досель все держала под своей рукой и неусыпным оком.

Прасковья поцеловала безвольно лежавшую на меховом одеяле руку и вышла. Придя в свои покои, она позвала Семеновну.

— Матушка совсем слегла, — печально сообщила она, — я думаю, что это поездка по воде в Ревель и Ригу ее доконала. Целый месяц качка, ветер, сырость. Сестра говорила, что она из каюты совсем не выходила. Только просила сигналы подавать, что приветствует Петра Алексеевича и Ивана Михайловича с семьей.

— Да уж, государыня-царица завсегда больше всего Петра Алексеевича прогневить боится, приказа его послушаться. Вот и поехала, — сочувственно поддакнула мамка.

— Вот и теперь, — продолжила Прасковья, — хочет она прием устроить 24 сентября по случаю моего дня рождения. Дата не круглая, — она пожала плечами, — я уговаривала отказаться. Не хочет. Только говорит, распорядиться сама не смогу. Тебе придется распорядиться обо всем. А я, Семеновна, ничего же не знаю.

От беспомощности Прасковья даже всхлипнула.

— И... государыня-царевна, только не кручинься. Тебе на маскарад скоро собираться. Я переговорю и тебе доложу. Горлица моя, надо тебе и хозяйкою быть учиться. Не все под матушкиной пятой жить.

И Семеновна ласково погладила по голове свою воспитанницу.

К четырем часам пополудни вся маскарадная процессия собралась опять на Троицкой площади у дома Четырех фрегатов. По выстрелу пушки в соответствии с нумерами погрузились на барки и, несмотря на волну, двинулись ко дворцу Меншикова. У дворца стояло множество карет. Все, высадишись из шлюпок, начали высаживаться по каретам, и процессия двинулась в сад у дворца светлейшего. Император со своей беспокойной братией пошел в сад пешком. Он был одет в костюм кардинала — в фиолетовый балахон с красной шапкой на голове, а его беспокойная команда шла за ним и била в барабаны. В саду император неожиданно скинул фиолетовый балахон и оказался в матросском костюме. Он обожал эффекты. Его встречал обер-маршал маскарада светлейший князь Меншиков, одетый в костюм кавалера ордена Слона.

Огромный сад, разбитый на длинные прямые аллеи с каре оранжерей по контуру, выполняющих одновременно роль забора, был усыпан палатками, в которых были расставлены кушанья и вина. Унтер-маршал помогал всем найти свои палатки. Император обходил палатки, приветствуя гостей и лично поднося им вино. Вино подносилось стакан за стаканом. В аллеях играл оркестр. Карлики императрицы представляли концерт.

Прасковья пошла посмотреть на представление карликов. В ее доме их также было немало, и мать и сестра имели к ним особое пристрастие. Их прыжки, курбеты, танцы очень их забавляли. Дядюшка с супругой тоже были большими любителями представлений карликов. Достаточно вспомнить свадьбу ее сестры Анны, кстати, в этом же дворце. Это было в 1710-м, а сейчас 1723-й, а ничего будто и не меняется. Прасковья отвлеклась и не сразу заметила, что все бросились к палатке императрицы. Она тоже двинулась вслед за толпой.

— Генерал Матюшкин взял Баку! — услышала она возгласы.

Екатерина Алексеевна торжественно поднесла мужу стакан вина.

— Если я удержу Баку, богатый нефтью, то дальше я и не буду продвигать свои войска, — громко провозгласил император, поклонившись в сторону персидского посла.

Что будет дальше, Прасковье уже не нужно было объяснять. Начнется настоящая попойка. Она уже уловила движения гвардейцев, занимавших все выходы из сада. Инстинктивно она двинулась в сторону, где располагался их дворец. В сущности, он был очень близко отсюда. Всего лишь через здание Двенадцати коллегий. Но как выбраться? Вдруг она услышала барабанную дробь. Били отступление.

«Неужели маскарад закончился? — Не веря своим ушам, подумала Прасковья. — Вот счастье-то!»

Прасковья двинулась к парадному входу, чтобы сесть в барку и, как полагается царевне, торжественно покинуть дворец. Пока она шла по аллее, она видела ужасающее, но привычное уже зрелище. Все были изрядно пьяны. Бутылки валялись в несметном количестве на аллеях по дорожкам. Дамы и тем более мужчины плохо уже соблюдали политес. То тут, то там Прасковья натыкалась на целующиеся и обжимающиеся парочки в масках. Ее тоже уже хватили за руки.

— Пстой, красавица...

Она уже бежала. Вдруг кто-то дотронулся до ее плеча.

— Пстой, прекрасная маска.

Прасковья в ужасе отпрянула.

— Не бойся, я тебе помогу.

Казалось, это был тот гвардеец, что помог ей у Апраксина.

— Сюда, — сказал он и указал в сторону от парадного входа.

— Зачем? Ведь был отбой. Можно уходить, — не поняла Прасковья.

— Император передумал, — понизив голос, сообщил незнакомец, — сейчас перекроют все входы. Пойдем.

И он, взяв ее за руку, повернул по боковой аллее в темноту. Прасковья, обеспокоенно оглядываясь по сторонам, следовала за ним.

— Зачем вы помогаете мне? — наконец, не выдержав, спросила она.

В голосе Прасковье звучала настороженность.

— Я вижу, как ты волнуешься, прекрасная маска, — на ходу обернувшись, ответил незнакомец, — мне жаль тебя. Ты беспомощна перед всем этим разгулом.

— Это правда, — согласилась Прасковья и вздохнув, подумала: «Если бы матушка была здесь, она бы уехала и я вместе с ней. Так было всегда. Петр невестушку не неволил. Но матушка больна. Катерина обожает подобные празднества, да еще и заводила на них. Наверное, сидит в палатке с принцем Голштинским и кокетничает с Берхгольцем или графом Бонде. Ей не до меня. Так что придется принять помощь этого доброхота. А ничего другого и не остается».

Эти мысли пронеслись в ее голове, пока они шли темными аллеями. Наконец они подошли к какой-то сторожке и ее доброжелатель что-то сказал часовому. Тот засмеялся и пропустил их. Они быстро прошли калитку и оказались за стенами дворца в полной тьме. Прасковья невольно ухватила спутника за руку. Ее жилище было близко, но как до него добраться?

— Куда тебя доставить, прекрасная маска? — спросил ее спаситель.

Прасковья поколебалась, но выхода не было.

— В дом вдовствующей царицы. Я фрейлина у ее дочерей.

— О, это большая честь для меня, — он склонился к ее руке, — познакомиться с фрейлиной царевен. А герцогиня Катерина Ивановна не будет сердиться, что вы покинули маскарад? — Поинтересовался незнакомец.

— Я фрейлина у царевны Прасковьи Ивановны, — нашлась Прасковья.

— А ее не было на маскараде? — Опять поинтересовался незнакомец. — Она, говорят, больна. Опухают то руки, то ноги, — продолжал незнакомец с преувеличенным сочувствием в голосе.

Прасковья уже намеревалась дать отповедь, но вовремя себя одернула.

— Вдовствующая царица очень больна, и она осталась с ней, — сухо пояснила она.

— Такое дочернее чувство очень похвально, — с сочувствием в голосе произнес незнакомец.

— Да. Она всегда сострадает болящим, — с вызовом сказала Прасковья.

— А не болящим?

В голосе незнакомца послышалась намешка, но Прасковья не успела ответить. Темное небо озарилось фейерверком. Они стояли и смотрели на взрывающиеся огнем разноцветным ракеты.

— В саду, наверное, это еще красивее, — невольно сказала Прасковья.

— Прекрасная маска хочет вернуться в сад? — опять насмешливо спросил незнакомец, пролагая в темноте путь.

— Нет-нет, только не это, — замотала головой Прасковья.

— Ну, вот мы у Двенадцати коллегий.

Незнакомец остановился.

— Мне нужно возвращаться. Служба, — незнакомец приложил пальцы к треуголке. — Прощайте, фрейлина ее высочества.

Он поклонился и быстро пошел к дворцу Меншикова. Прасковья направилась к своему дворцу. Кончился еще один день маскарада.

Уже дома, сняв грим, умывшись, переодевшись в домашнее, Прасковья села в кресло у окна — ее любимое место. Мысли вернулись к незнакомцу.

«Он несомненно следит за мною. Как же он определяет меня в маске и при том таких костюмов — двенадцать? Допустим, дамы не так худы... Но девицы? И Милославская, и Стрешнева, и Татищева, и Дмитриева-Мамонова — они молоды и стройны».

Господи! Какая же она дура! Она же без кавалера. Это-то сразу и заметно.

«Я брожу одна, сижу в сторонке. Одна. Одна. Но тогда что же он? Ловит удовольствия? Решил, что я легкая добыча?» Но он совсем не настырен. Не хватает ее, не стремится увлечь в кусты, что на маскарадах в свычаях и обычаях. Нет, он ведет себя галантно, как кавалер.

Она-то за эти годы насмотрелась на нравы при дворе. Особых церемоний не разводили ни с титулованными ни с нетитулованными. И дядюшка здесь был первый заводила. Прасковья вздохнула. Не очень-то хотелось думать об этом, но она очень боялась дядюшки, потому что знала, какая нежная дружба связывает ее старшую сестру Катерину с императором. Даже противно думать об этом. Кровосмесьительство. Разве православный закон не запрещает? А он нарушает. Даже в своей семье. И Катя относится к этому без трагедии. А матушка! Страшно сказать, но она всегда использовала это, чтобы улаживать свои дела, получать новые земли. Знала, если Катя попросит, отказа не будет. Таковы обстоятельства их жизни. Прасковья вздохнула, потом перекрестилась. Не будем о грустном. Дядюшку она, слава богу, не интересуется. Он худых не любит. И таких тихих, как она, не любит.

Мысли ее вернулись к более приятной теме — ее доброхоту и спасителю. А этот незнакомец явно военный. По выправке видно. Потом он о службе говорит. Интересно, сколько ему лет? Он офицер — значит, не менее 30. И Прасковья улетела мыслями в романтическую блазнь, тем более, что к тому был прельстительный повод.

Учтивый кавалер берет под свою защиту молодую даму, растерявшуюся в карнавальной толпе и не ведающую, как обезопасить себя от неприятных неожиданностей. Что им движет? Ведь дама в маске, и лица ее он не видит? Только ли галантность? Или статочно им движет просто жалость, потому что он видит ее растерянность и беспомощность? Учтивное сердце кавалера не может не откликнуться на волнение и страх в глазах дамы. Он должен защитить даму...

Тут Прасковья вернулась к реальности и невольно усмехнулась. Все-таки в ней живет жажда галантных приключений и чувствительных и пафосных сцен. Ей втайне очень хочется очутиться в стране нежности. Не зря же она любила театр и даже представляла и пела на сцене в Измайлово. При мыслях об Измайлово настроение ее окончательно улучшилось. Нет, день удался.

Придворный маскарад. День пятый

Через день 5 сентября все опять должны были собраться на Троицкой площади у дома Четырех фрегатов. Маскарад продолжался. На этот раз процессия под нумерами проследовала к Адмиралтейству. Там все присутствовали при торжественном спуске на воду позолоченной яхты «Елизавета». После того как яхта закачалась на волнах, вся маскарадная процессия двинулась пешком до Летнего сада.

В саду на шкиперской площадке у фонтана стояла огромная илюминированная беседка. Внутри нее были устроены столы. Один, самый большой был в форме круглой подковы, внутри которой находился небольшой круглый стол. За этот стол сели князь-кесарь с супругой, княгиня Голицына, аббатиса маскарада, кардинал маскарада, то есть император. Остальные царствующие особы расселись за большим столом. Императрица в центре. Справа от нее две цесаревны, как теперь их называют, чтобы отличать от простых русских царевен, Анна и Елизавета. А слева сели дочери царя Ивана — Екатерина и Прасковья. Напротив усадили герцога Карла Голштинского и двух принцев Гессен-Гомбургских — Людвиг-Вильгельма и Карла. Герцог Голштинский всячески старался угодить императрице и говорил чувствительные комплименты цесаревнам. Принцев Гессен-Гомбургских его свита в лице Берхгольца и Бонде чуть не выталкивала из-за стола, хотя известно было, что старшего из них император также рассматривал как возможного жениха для дочери. На старания этих голштинцев смотреть было довольно забавно. Как они блюли интересы своего принца! Катя, как всегда, подшучивала над Берхгольцем и графом Бонде. В это время поставили горячее блюдо с курицей. Герцог Голштинский засуетился, схватил нож, кинулся разрезать курицу, но Екатерина Алексеевна, надо отдать ей должное, очень чуткая особа, остановила его.

— Что вы, герцог, разве это вам пристало? Это сделает мой камер-юнкер.

И слегка повернув голову к стоявшему за ее стулом камер-юнкеру Виллиму Монсу, кивнула. Смотреть на то, как разрезал курицу Монс, было приятно. Это было прямо изысканное зрелище. В камер-юнкерском парадном камзоле, высокий, стройный, с тонкой серебряной лентой вокруг пояса, он начал свое священнодействие. Своими тонкими, сильными руками он отделял ножки, бедрышки, крылышки и необычайно ловко при помощи вилки и ножа раскладывал на тарелки. Императрица с нескрываемым удовольствием следила за изящными движениями своего камер-юнкера и даже откинулась на спинку

своего кресла, чуть склонившись к нему. Лицо ее, всегда неподвижное, как маска, все озарилось добротой и лаской. Наконец, курица была разрезана и разложена. Камер-юнкеры и слуги сустились и за круглым столом. Прасковье показалось, что взгляд кардинала был устремлен на императрицу и во взгляде было много неожиданного удивления. Императрица как будто почувствовала это. Она все-таки очень чутка, и произнесла тост за здоровье своей средней дочери Елизаветы, ибо спущенная на воду яхта была названа в ее честь. Елизавета, настоящий бесенок и ангел одновременно, живая и подвижная как ртуть, встала, приняла стакан из рук матери и подошла к отцу. Дядюшка принял стакан из рук дочери и осушив до дна, бросил. Его тут же на лету подхватил Василий, любимый денщик, стоявший за стулом императора. А дядюшка расцеловал дочь. Затем все осушили свои стаканы, не исключая и Прасковью, которая внутренне уже подготовилась к тому, что придется выпить как минимум несколько стаканов вина. Ведь она оказалась в ловушке, ибо сидела в центре под бдительным дядюшкиным оком. Его, правда, царевна Прасковья интересовала меньше всего. Он давно уже вычеркнул ее из списка интересных для него лиц. Вот и сейчас. Он явно размышлял о герцоге и принцах. С обручением Анны и герцога он явно тянул, но лучших женихов не находил. Эти Гессен-Гомбургские принцы тоже были воспитанные и услужливые молодые люди, но у них тоже были проблемы с соседями и территориями. «А мне они все равно не женихи. Слишком молоды», — невольно отметила про себя Прасковья.

Течение ее мыслей было нарушено криками «Виват!». Пили за императрицу. Прасковья как могла изобразила, что осушила свой стакан, слава богу, серебряный, а не хрустальный.

«Насколько хуже было бы, если бы он был хрустальный!» — подумала она.

Потом пили тост за Ивана Михайловича и его семью, сиречь русский флот, затем — за цесаревен Анну и Наталью, затем за герцогиню Мекленбургскую и наконец — за царевну Прасковью. Члены царской семьи были исчерпаны. За великого князя Петра и великую княгиню Наталью не пили.

Тут на площадке появилась беспокойная команда в матросских костюмах и начала бить отступление. Можно было передохнуть, прогуляться, размять ноги. Все встали из-за стола. Мужчины бросились вон из палатки по разным кустам. Императрица с цесаревнами ушли во дворец. Герцогиня Катерина Ивановна и государыня-царевна Прасковья Ивановна за ними. Чтобы дальше гулять, нужно было освежиться. Жалко было фрейлин. Их положение было самое тяжелое.

Они собирались в группки и двигались в укромные уголки к кустам. Немного подышав у окна в тишине и спокойствии, без посторонних, поправив костюм и грим, Прасковья вышла опять в Летний сад.

Было время свободных прогулок. В свете иллюминированных аллей, стоявших во множестве статуй, подстриженных деревьев и работок с душистыми цветами, посаженными вдоль дорожек (не пахнущих цветов император не любил), сад мог действительно показаться райским уголком. Палатку разобрали. Оркестр репетировал. По регламенту должны были быть танцы. В общем, царило умиротворение. Если бы дядюшка меньше пил, все эти собрания были бы просто восхитительны. Сейчас бы посмотреть балет при свете факелов. Говорят, в Версале так и делают. Но дядюшка терпеть не может балеты. Он за активный отдых своих придворных. Извольте крутиться и скакать сами.

Послышались звуки польского. Обер-маршал маскарада светлейший князь Меншиков пошел с дамой в польском. Полонез был единственным танцем, который он танцевал. Это была тоже маска в польском костюме. Кто? Не матушка ли это девицы Анны Головкиной? Впрочем, все равно. За первой парой потянулись другие. Вот принц Голштинский в костюме римского полководца с цесаревной Анной. Вон Катерина в испанском, а вон и арлекинский костюм в паре с греческим атлетом. Прасковье вдруг стало грустно. Ведь никто не вспомнил о матушке, и за ее здоровье не пили. А ей бы это было, быть может, в помощь. Но его величество кардинал даже не упомянул болящую. Она осталась за пределами его нынешних интересов. Вспомнив дядюшку, Прасковья оглянулась по сторонам.

«Кстати, где он? Что-то очень тихо и спокойно. Ни дядюшки, ни тетюшки видно не было. Поэтому такая тишь и умиротворение. Все расслабились. Наконец, можно отдохнуть». Прасковья улыбнулась своим мыслям.

— Прекрасная маска позволит пригласить себя на менуэт? — услышала она слева мужской голос.

Она уже узнала этот голос. Она чувствовала, что незнакомец появится.

— С удовольствием, мой кавалер в маске, — и она склонилась в реверансе.

Из всех танцев, которым обучал их француз Рамбур, она лучше всего танцевала менуэт. Он не был таким однообразным, как польский, и в нем не нужно было скакать, как в контрдансах и экосезах. Прасковье нравились застылость поз и церемонные поклоны.

«Бедный Рамбур, так матушка ничего ему и не заплатила», — машинально подумала она и положила ладонь на ладонь кавалера.

Пока они делали поклоны и переходили, чуть касаясь друг друга кончиками пальцев, она опять разглядывала его. Он был в коричневом бархатном фряжском костюме, расшитом золотым галуном с кружевным жабо и кружевом на рукавах. Светло-русый короткий парик, черная маска. Интересно, какого цвета у него глаза? Поворот на полупальцах — и они снова лицом к лицу. Все эти поклоны и проходы вдоль линии танцующих с поклонами каждому, пар, правда, было всего четыре, ибо менуэт не был любимым танцем при дворе. Как говаривала Екатерина Ивановна, матушка ее фрейлины Анны Головкиной: «Менуэт — танец премудрый. Поминутно то присядь, то поклонись. Да осторожно, а то или лбом столкнешься, или в спину кого толкнешь». Для ее габаритов это замечание было более чем справедливо. Для Прасковьи с ее худобой подобных трудностей не возникало.

Танец закончился. Пары склонились в реверансе.

И в это время раздался барабанный бой.

— Что это? — спросила Прасковья, обратившись к своему кавалеру.

— Император приглашает всех перейти из сада императрицы в свой сад. Там будет пир по случаю взятия Баку, — разъяснил ей ее кавалер.

— А есть возможность покинуть сад императрицы?

— Можно попробовать, — сказал незнакомец.

Они двинулись к пристани. Вход, к счастью, не был закрыт. Причиной тому были проводы цесаревен. Они в сопровождении фрейлин покидали Летний сад. Вокруг стояла суета. Унтер-маршалы маскарада стремились проявить усердие на глазах царской семьи.

— Мне нужна барка под номером 56, — тихо сказала Прасковья, пока они шли вдоль причала.

В этот момент небо озарилось.

— Фейерверк.

Все застылм, наблюдая огненную потеху. Огненные шары, колеса, ракеты, швермеры и наконец девиз с датой взятия Баку и изображением крепости. Немногочисленная группа у воды невольно ахала и вскрикивала в невольном восхищении. Тем более что все эти огни отражались в ряби воды.

— Как красиво, — невольно прошептала Прасковья.

— Во всяком случае красивее, чем взрывы на войне, — прокомментировал незнакомец.

Небо погасло. Цесаревны сели и их барка отчалила. Прасковья забеспокоилась, как бы незнакомец не узнал, кто она на самом деле.

— Идите, здесь я управлюсь сама. Благодарю, — и она протянула руку для поцелуя.

Он взял ее на свою ладонь и склонился, целуя. Прасковья невольно почувствовала, как дрожат ее пальцы. Она была смущена, хотя обряд целования руки вошел в ее жизнь в 1702 году, когда она в восьмилетнем возрасте одела европейское платье и побывала на немецкой свадьбе в лефортовском дворце. Часто, как она поняла впоследствии, когда нечего сказать, надо протянуть руку для поцелуя, это заменяет заключительные слова. Но сейчас между их пальцами как будто проскользнула искра взаимной приязни.

— Прощайте, сударь. Еще раз благодарю.

И она пошла быстро по причалу, ища свою барку. К ее удивлению, она увидела нескольких дам из своей процессии в арлекинских костюмах. Они стояли и что-то озабоченно обсуждали.

«Опять боятся за мужей?» — пронеслось у нее в голове.

— ... всю ночь, — донесся до нее голос прокурорши Ржевской.

«Попойка на всю ночь», — поняла Прасковья.

«Вещее сердце мое вещевало»

Во дворце стояла тишина, тихо мерцали свечи в фонарях. Прасковья поднималась к себе. Неожиданно она услышала какое-то шевеление.

— Кто там? — встревоженно спросила она.

Шевеление прекратилось, но в темном углу явно кто-то находился.

— Выходи, а то слуг позову, — приказала Прасковья.

Из темноты выступила карлица Пелагея. Из глаз ее текли слезы. Она вытирала их своими маленькими кулачками.

— Что с тобой? — спросила Прасковья.

Карлики уже давно стали неотъемлемой частью ее бытия, так как и матушка, и дядюшка их обожали, а матушка, чтобы угодить дядюшке, даже рассылала по весям людей, чтобы находили посмешнее и доставляли ко двору на радость братцу-милостивцу. Но Пелагею она любила. Это была умная и талантливая карлица, подруга умершей в 1711 году родами Авдотьи, жены любимого дядюшкина карлика Якима Волкова. Прасковья Федоровна была очень привязана к этой карлице, а та отвечала ей такой же привязанностью.

— Государыня-царица плоха, — продребезжала она своим дрожащим голосом.

— Что-то случилось? — встревожилась Прасковья.

— Нет еще, но плоха она. Даже улыбаться не может. Не смешит ее ничего. Сколько ни стараюсь, — грустно заключила карлица.

— Не каркай, — оборвала ее Прасковья, — накаркаешь еще. Лучше молись и Господа проси.

— Прости, государыня-царевна, прости меня, дуру, — карлица хотела схватить руку Прасковьи, но та вырвала ее и пошла по лестнице к себе.

Пелагея ее расстроила, и мечтательное настроение сменилось тревогой. Она не представляла себе жизни без матери. Мать формировала и направляла течение ее жизни. Смешно сказать, но и театр в Измайлово замыслила матушка. Выписала декорации из кремлевских мастерских и заставила их с Катериной делать театр. А теперь... Что будет теперь? С такими мыслями вошла она в свои покои.

Тут же присеменила Семеновна.

— Государыня-царевна, голубушка, чтой-то ты грустна очень, — запричитала старуха.

— Да карлицу Пелагею встретила, плачет в углу. Боится, что матушка преставится.

— Свят, свят, — часто закрестилась Семеновна, — и думать не моги. Наша государыня- царица столько молилась, на богомолья ходила, столько монастырям жертвовала. Господь не допустит, чтобы такая святая душа нас покинула и оставила своим бережением и наставлением.

Старуха начала часто креститься.

— Девоч позови переодеться, — думая о своем, приказала Прасковья.

Когда снят был грим, платье, парик, одета домашняя кофта и юбка, а волосы расчесаны, Прасковья опять села в кресло и с удовольствием вытянула ноги. Только теперь она поняла, что очень устала за эти дни.

— Семеновна, надо послать завтра к тетушке Екатерине Алексеевне и сказать, что матушка больна, и я должна при ней быть. Не смогу я на маскарад идти. Ноги совсем гудят. Тем более завтра всешутейший собор собирается у князя-кесаря. Девицам там совсем не место.

— Ужо распоряджусь, отдохай государыня-царевна, — и согнувшись в поклоне, Семеновна вышла.

Какое-то время Прасковья сидела, бездумно глядя в стену. Ей скоро 29 лет. Она старая дева, как ни печально это звучит. Недавно похоронили Марию Алексеевну. Упокоилась в Александро-Невской лавре. Только тогда и вспомнили о ней. Засуетились, похороны

устроили, как положено русской царевне. Дядюшка сам распоряжался. Как же, двоюродная сестра, член царствующего дома! Можно придумать эффектную процессию! А при жизни и не вспоминал о ней.

Прасковья вздохнула.

И ей, наверное, уготована такая же судьба. Забытая царевна. Женихов ей уже никаких не ищет дядюшка. Свои дочери подрастают. Вот принца Голштинского пригласили для Анны. А эти два молоденьких принца Гессен-Гомбургских — это для Елизаветы. Да что-то, видно, не больно казисты женихи-то. Все никак не объявят помолвку. Чего-то еще ищет дядюшка для своих «потрошенков», как он изящно выражается.

Прасковья усмехнулась.

Заговорить с матушкой о замужестве? Сейчас уже поздно, а раньше она боялась. Матушка-то была скоро на расправу. Свою власть материнскую она хорошо знала. Анну вон как стыдила перед всем светом. Как же, правительница, герцогиня Курляндская — а в любовниках придворный. Дядюшку Салтыкова Василия Федоровича посылала разбираться. Катерина рассказывала, что он там вытворял по указу матушки-царицы. Хотела и двор герцогини Курляндской устраивать по своей воле. Не без мысли, наверное, чтобы распоряжаться ее финансами, ее денежным вспомоществованием от императора. Опять же власть материнскую проявить. Гневалась на Анну, не отвечала на ее письма. А если отвечала, то отповедями и упреками. В этом вся матушка.

Прасковья опять вздохнула. «Не я ей судья».

Прасковья перекрестилась.

Да и сестрицы — каждая о своем интересе печется. Им до нее и дела нет. В детстве она дружила с Александром Нарышкиным. Он часто гостил в Измайлово, благо мать его была ближайшей подругой матушки-царицы. Но Сашу Нарышкина дядюшка отослал в 1708 году в Англию, а вернулся он в Россию только в позапрошлом, 1721 году. Да и матушка не разрешила бы такой брак без позволения царя. Потом дядюшка загорелся выдать из-за заморских potentатов. Начали портреты писать, иностранных живописцев приглашать. Сначала де Бруин писал их парадные портреты. Все их Меншиков тогда забрал, и канули они куда-то. Все же Анна тогда замуж вышла. Потом к 20-летию Иван Никитин, дядюшкин любимец, писал ее портрет и Катин. Замуж тогда вышла Катя. Ну, а она так и осталась. А если матушка преставится? Что будет?

Прасковья плотнее закуталась в шаль. Печи еще не топили, а ночи были уже прохладные.

Что ждет ее? Скорее всего, судьба Марии Алексеевны, в лучшем случае, а в худшем — дядюшка может потребовать пострижения в монастырь, чтобы не тяготила просьбами о деньгах. Да, скорее всего так. Ведь у него на руках Катерина с Аннушкой останутся. А дядюшка прижимист. Прасковья разволновалась. Монастыря она боялась. Боялась матушкиных кликуш, юродивых, богомольцев, калек всяких. Вида их Прасковья не переносила. Вставала и уходила, а Катерина, вернувшись из Германии, с удовольствием общалась с этими грязными, невымытыми дармоедами, слушала их рассказы и гнусавое пение. Может, поэтому матушка так любит Катеринку? Родство душ.

Прасковья вздохнула.

Да, но это все не к делу. Надо думать о будущем. Надо как-то определиться.

В дворцовом саду

— Государыня-царевна, — кто-то ласково коснулся ее руки, — пробудись. Пора к заутренне идти.

— Что? — непонимающе тарашась на Семеновну, переспросила Прасковья.

— Идти надо в домовую, — уже не так ласково пояснила та, — государыне-царице стало легче, и она велела везти себя в домовую.

Сон как рукой сняло.

«Матушке лучше. Слава Создателю и пресвятой Богородице», — Прасковья перекрестилась.

— Быстро кувшин, полотенце, юбку, кофту.

Девушки вбежали и засуетились.

Скоро Прасковья вошла в домовую церковь. Прасковья Федоровна была уже там. В чепце и шали она сидела в кресле. Тут же была Катерина Ивановна и с ней пятилетняя Аннушка. Службу в этот раз вел духовник царицы отец Иоанн. После службы все подошли под благословение. Потом дочери подошли под благоловение матери. Подошла внучка. Старуха вся засветилась.

— Радость моя! Ангелочек! Одно ты у меня утешение во всех моих болезнях и невзгодах.

Старуха гладила внучку, целовала.

— Матушка, сегодня ты можешь в столовую с нами. Тебе намного лучше, слава богу, — сказала Катерина Ивановна и перекрестилась.

Царица кивнула слуге и тот повез ее. В столовой в этот раз не было никого постороннего. Из-за болезни царицы и маскарада фрейлинам разрешили ночевать дома.

Царица всегда отличалась отменным аппетитом. Любила поесть сытно и выпить пива. Предупрежденные повара уже подготовились и на стол подали мясное, пироги, соленья, орехи, дыни. Царица указывала положить на тарелку то то, то это, но ела мало, только прихлебывала пиво.

— Свет-Катюшка, какой сегодня маскарад? — спросила она любимую дочь.

— Сегодня маскарад в доме тетушки Анастасии Федоровны Ромодановской, но Василий Петрович, добрая душа, шепнул мне, что можно не являться. Ведь я не вхожу во всешутейший, всепьянейший собор. А они сегодня у князя-кесаря собираются.

— А царь-батюшка, милостивец наш, не прогневется? — встревожилась старуха.

— Василий Петрович сказал, что сегодня послабление будет, потому как его величество желает видеть только членов собора. И еще сегодня к Ромодановскому приглашены все слуги и служанки дворцовые до последнего поваренка. Так что в нас необходимости нет. Я думаю, что они там бесноваться будут до утра, — и Катерина Ивановна хохотнула, — как им заблагорассудится.

— А какой все-таки Василий Петрович любезный и обходительный, — залебезила старуха, — вот что значит человек в церкви служил, благодати коснулся.

— Он просто мудро себя ведет, — согласилась Катерина, — ни с кем не желает быть в супротивностях. Если может сделать любезность, сделает.

— Матушка, — вмешалась в оживленную беседу двух родственных душ Прасковья, — так как же 24 сентября? Мне заниматься?

— Да где уж тебе, — недовольно глянув на дочь, проворчала старуха, — теперь уже мы с Михайловной и Степаном Тихменевым все править будем. Сделать все надо, как царь-батюшка требует, чтобы царь-батюшка был доволен и гости званы быть должны, какие ему по нраву. Так что иди к себе в светелку. Займись там. А я со свет-Катюшкой поговорю.

И царица приказала везти себя в свои покои. Катерина следовала за ней, довольная, что можно будет посплетничать с матерью

о прошедшем маскараде и найти благожелательный отклик на все свои новости о муже, на все заботы и тревоги, на который она всегда могла рассчитывать у матери.

Прасковья поднялась к себе. За ней увязалась карлица Пелагея, значительно повеселевшая. Она что-то оживленно болтала, хватала Прасковью за юбку, старалась привлечь внимание, но Прасковья была не расположена сейчас к ее кувырканиям и дребезжащему голосу. Последнее время шуты и карлики стали ее раздражать. «Почему так?» — иногда спрашивала она себя. Наверное, потому что она сама скоро станет для всех надоедливой уродиной и старухой, о которую спотыкаются, как о мебель. Поэтому, наверное, ее больше не сместили их выходки. Так что же делать? На маскарад идти не хочется, но и дома не хочется сидеть.

— Семеновна, принеси накидку, пойду прогуляюсь по саду.

— Одна? — удивилась Семеновна.

— Почему нет? Сад наш, домовый. Закрыт, — пояснила она непонятливой старухе.

— Как же, государыня-царевна, одна, без боярышень? — продолжала настырно недоумевать Татьяна Семеновна, не поощрявшая подобные отклонения от царского чина.

— Нет больше боярышень, Семеновна. Не знаешь, что ли? Есть фрейлины.

— Ну без фрейлин, — все причитала Семеновна, поправляя на ходу ее накидку.

А Прасковья уже вышла на лестницу и начала спускаться в сад.

Дядюшка, хотевший устроить свой дорогой парадиз на европейский лад, не смог отказаться от одной московской традиции. У каждого дома должен бы быть сад, тем более, что свободных земель в Питербурхе было более чем достаточно. Поэтому дома выстраивались прямым каменным строем, но позади дома обязательно был сад. Он был, конечно, регулярным, на плоской ровной площадке, но сад был обязателен. Матушка, во всем полагавшаяся на вкус и пожелания милостивца, и здесь приняла все его распоряжения. Прямые липовые аллеи, огромная квадратная клумба посередине, открытая площадка у стеклянных дверей и в центре ее фонтан. Так были устроены почти все сады у дворцов с большим или меньшим количеством причуд.

Прасковья прошла по саду. Посмотрела желтые листья. Все-таки в Питербурхе воздух был не такой, как в Москве. В нем было много морской свежести, хотелось дышать. В этом она дядюшку понимала.

За спиной хлопнула дверь. Прасковья оглянулась. К ней приближались Катерина и Настасья Дмитриева-Мамонова. Звонкий беззаботный смех сестры эхом раздавался по саду, отскакивал от каменных стен ограды.

— Паша, вот мы с Настей обсуждаем, чем бы развлечься, — зашебетала, подходя к сестре, Катерина Ивановна.

— Да мы же уже наразвлекались. Маскарад был, — не поняла Прасковья.

— Так был, — упирая на последнее слово, сказала сестра, — а теперь надо придумать что-то новое. Я предлагаю поездку в Питергоф. Василий Петрович вчера мне сказал, что может это устроить. Настасья будет нас сопровождать.

— А как же маменька? — Обеспокоилась Прасковья.

— Ей уже лучше. Да потом она сейчас поглощена устройством приема. Так что не осерчает. Побудет без нас. А мы приедем и новости ей привезем, что там и как. Что уже построено, что нет. Так что это ее разлечет.

«Вот за это матушка так и любит Катерину. Она точно знает, чем ее порадовать. Не сидеть около нее с грустным видом, а съездить в императорскую резиденцию, приморский парадиз, привезти новости», — невольно подумала Прасковья.

— Заодно посмотрим наши пустоши в Стрельне, — продолжала щебетать Катерина, — возьмемся мы их строить или нет. Так матушке и скажем. Вот. Надо съездить в Стрельну. Дядюшка Монплеизр и фонтаны отстроил. Меншиков Ораниенбаум отстроил. Теперь нам придется что-то в Стрельне строить. Ведь дом в Измайлово уже очень стар, ветхий. Матушка все недужит. Так что ехать надо. Ну что? Поедешь? Верховом?

— Верховом? — Это была тоже новость.

Катерина была прекрасной наездницей. Анастасия ей под стать. А Прасковья не очень-то любила езду верхом, но в некотором смысле это было безопаснее, чем в коляске. За городом дороги наверняка развезло, а верхом можно и по лесной тропинке.

Действительно, Петр щедро одаривал землями и в Питербурхе и вокруг Питербурха в надежде, что придворные будут строиться и застраивать этот берег. И они строились, тянулись за своим монархом, а тот — за своим любимцем светлейшим князем Алексашкою. Никому за ним было не угнаться по части заведения дворцов и парков. Вдовствующая царица также получила земли за городом по питергофской дороге, недалеко от Питергофа в Стрельне. Но все никак не могла начать строиться. Не последнюю роль в этом нежелании

взваливать на себя столь нелегкую ношу играло отсутствие свет-Катюшки и внучки Аннушки. Но свет-Катюшка с внучкой приехали. И Прасковья Федоровна все чаще задумывалась о том, что надо начать сооружение загородного дворца. Рассчитывала она и на помощь милостивца царя. Тем более, Петр отстроил Питергоф и открыл его торжественно 15 августа 1723 года, сразу после морской поездки всего двора в Ревель и Ригу. Тогда-то Прасковья Федоровна, осмотрев загородную резиденцию своего архангела-Петра, всерьез задумалась о строительстве. Царь, по-видимому, все реже будет навещать Москву, значит и ей все время придется проводить в Питербурхе. Думала она, конечно, и том, где будет жить ее внучка Аннушка, которая являлась и внучкой царя Ивана, ее покойного мужа. Вопросы должного блеска ее рода всегда ей были небезразличны. Тем более, что государь подарил недостроенный дворец в Стрельне своей старшей дочери Анне. А ее внучка чем хуже? Она тоже природная царевна. Так что она не только не была против этой поездки, но и благословила ее.

В Стрельне

Ранним утром три женщины в сопровождении небольшой группы придворных выехали верхами из дворца на Васильевском острове и отправились по дороге в Питергоф. Они рассчитывали сделать остановку в Попутном дворце в Стрельне. Там и собирался встретить их Василий Петрович.

Стрельна встретила путников ветром с моря и огромными надутыми серыми тучами, несущимися по небу, но иногда открывавшими небольшое пространство для яркого солнца. Прасковья была в Стрельне начиная с 1714 года, когда ей исполнилось 20 лет, не более трех раз и каждый раз первое, что она запоминала, — это сильный ветер. Дядюшка как-то сразу определил это место как наиболее удобное для остановки, тем более что отсюда можно было двигаться не только к Питергофу и далее к Ораниенбауму, но и в Ропшу.

«Строить здесь пару изб для приезда, птичий и скотный двор и, ежели возможно, то хотя бы маленькую сажелку для рыбы», — повелел дядюшка. Зачем ему была нужна сажелка для рыбы, осталось неясно. Рыбы он терпеть не мог и никогда не ел, но две избы со службами построили. Одну — вверху у дороги и другую — чуть ниже ближе к морю. Первая со временем превратилась в двухэтажный